

1

Монако. Воскресенье, 16 мая 2010 года

— Берни! Мой милый Берни!

Высокая чернокожая красавица осыпала пожилого коротышку поцелуями, прижимая к расшатанным металлическим прутьям.

— Привет, Наоми, — улыбнулся тот роскошной модели.

Импровизированный лифт пополз вниз. Человек в темных очках молча следил за парой из угла кабины, надвинув козырек бейсболки на морщинистое лицо. Через несколько мгновений дверь с лязгом отворилась. Мик Джаггер, Наоми Кэмпбелл и Берни Экклстоун шагнули на залитую солнечными лучами набережную Монако под приветственные вопли трех десятков репортеров.

— Берни, откуда можно посмотреть гонку? — крикнул Джаггер.

— Из моего моторхоума.

Коротышка растолкал дородных операторов, а охранник весом центнера полтора беспомощно ждал в сторонке. В сопровождении камер троица направилась к воротам. За ними ждал «моторхоум» — серый фургон с тонированными стеклами, кондиционером, звукоизоляцией и кожаной мебелью, увешанный скрытыми камерами, которые следят за всем вокруг. Он стоял возле самого входа в паддок — отведенный для действующих лиц «Формулы-1» участок набережной у подножия холма. С мальчишеской стрижкой Экклстоун выглядел лет на двадцать моложе и упивался собственной непредсказуемостью.

— Воды? — предложил он гостям, когда те, усевшись поудобнее, приготовились к старту шестьдесят восьмого Гран-при Монако.

Сорок минут назад Берни Экклстоун прорывался из того самого лифта с еще бóльшим трудом.

— Сюда, Дженнифер! — вопили папарацци.

«Мы любим тебя, Дженнифер!» — вторили им зрители, собравшиеся на холме и трибунах посмотреть гонку. В гости к Берни неожиданно-негаданно заглянула Дженнифер Лопес.

— Дженнифер хочет посмотреть болиды, — объяснил ему владелец сразу нескольких торговых сетей сэр Филип Грин. Лопес гостила на его двухсотшестифутовой яхте «Лайонхарт», пришвартованной тут же, неподалеку. Три дня спустя Грин отправлялся в Лондон открывать очередной магазин в Найтсбридже, и ему не мешало появиться на «Формуле-1» в сопровождении голливудской звезды.

— Хорошо, я все устрою, — согласился Экклстоун, отодвигая в сторону салат из лобстера, собственноручно купленный с утра в супермаркете.

Живая стена фотографов попятилась — Экклстоун, Лопес и Грин вместе отправились в боксы, где механики двенадцати команд готовили машины к гонке.

— Какие крошечные! — проворковала Лопес, разглядывая торчащие оси «рено» Роберта Кубицы. — А где колеса?

— Продали, — съязвил Экклстоун.

— Я в нее не влезу, — расхохоталась Джей-Ло. — Сиденье совсем маленькое.

— Ничего, запихнем, — улыбнулся Грин, — а одежду нашлем прямо там.

— Спасибо за рекламу, Берни, — поблагодарил тем временем шеф «Рено».

Экклстоун и Лопес перебрались в расположение «Феррари». Фотографии Джей-Ло рядом с алым болидом — мечта отдела рекламы. Они разом окупят 400 миллионов долларов — именно столько «Феррари» тратит на девятнадцать гонок всего за один год.

За двадцать минут до старта напряжение витает в воздухе. Посетителей в это время обычно не жалуют, но для того, кто озолотил «королевские автогонки», делают исключение.

— Привет, Берни, — помахал ему седовласый мужчина из толпы возле боксов «Феррари».

— Привет, Майкл.

— Как дочка?

— Прекрасно, — только и успел в спешке бросить Берни.

— Майкл Дуглас — замечательный человек, — пояснил он через мгновение. Жаль, не получилось уделить побольше времени актеру, который прилетел с Каннского кинофестиваля.

Лопес двинулась обратно к причалу, а Экклстоун зашагал по стартовому полю, где уже выстроились двадцать две машины. Пока истинная звезда «Формулы-1» пожимала руки, с отсутствующим взглядом улыбаясь собеседникам, трибуны приветствовали ее криками: «Берни! Берни!»

— Выглядишь расслабленным, — сказал Экклстоун, здороваясь с Нико Росбергом, который замер у своего «мерседеса».

— Зато внутри весь трясусь, — отозвался немецкий пилот.

Мимо прошествовал правитель Монако принц Альбер. На вчерашний прием у него во дворце Экклстоун не пошел.

Берни обогнул два «верджина» в самом конце стартового поля.

— Глупая экономия, — заявил Экклстоун о попытке Ричарда Брэнсона прорваться под софиты «Формулы-1». — Купил дешевый билет, а хочет в первый класс. Я ему говорил: «Ты приехал на “кортине”, а нужен “роллс-ройс”».

Нет, Брэнсон тут ненадолго. Королевские автогонки — удовольствие для богатых.

— А вот и Лакшми Миттал, — прошептал Экклстоун, заметив индийского сталелитейного магната. Владелец двадцатимиллиардного состояния беседовал возле болидов «Форс-Индии» с владельцем пивоваренной компании «Кингфишер» Виджаем Маллья. Два дня назад Берни побывал на его огромной яхте, пришвартованной по соседству с «Лайонхартом» Филипа Грина.

Экклстоун вел с правительством Индии переговоры о проведении в этой стране этапа «Формулы-1» в 2011 году. Маллья, в ушах которого поблескивали пуссеты с крупными бриллиантами, рассчитывал стать директором индийского Гран-при, и они еще раз вкратце обсудили перспективы.

— Берни! Берни! — ревели увешанные британскими флагами трибуны. Сотни зрителей нацелили объективы на своего кумира, но тот шел по залитой солнцем трассе, не оборачиваясь.

— Сегодня они аплодируют, а завтра будут свистеть, — заметил антигерой «королевских автогонок».

На террасах и балконах позади трибун тысячи разодетых тусовщиков, сжимая бокалы с шампанским, ловили в окуляры биноклей шагающего прямо по трассе человека в белой рубашке. С 1929 года богатеи всего мира в сверкающих «роллс-ройсах», «бентли» и «феррари» каждый год съезжаются в Мекку «Формулы-1» — Монако, подтверждая тем самым трюизм Сомерсета Моэма, назвавшего княжество «солнечным местом для темных личностей». Для этих людей Берни — настоящий герой.

За последние 36 лет Экклстоун превратил «Формулу-1» из состязания энтузиастов в одно из популярнейших зрелищ на планете. Его не раз освистывали — и всегда недовольство исходило от владельцев старых команд, от тех самых людей, которые благодаря Экклстоуну обзавелись яхтами, частными самолетами и многочисленными особняками. Вместо благодарности они испытывали лишь зависть. Только посвященные знали, что за минувший год «Формула-1» еще не оправилась от последствий недавней междоусобицы. Окруженный неумехами кукловод томился в золотой клетке, которую сам же и соорудил. Миллиардер понимал: появляясь в обществе звезд, он подчеркивает собственную незаменимость. Во время кризиса такие возможности, как в Монако, — на вес золота.

Этим утром на переговоры в «Кремль» — моторхоум Экклстоуна — прибыла целая процессия. Приветствуя каждого, Берни парой фраз с характерным акцентом уроженца Южного

Лондона пояснял собственную позицию. Как правило, его речь заканчивалась словами: «Просто сделай, как я сказал. Потом разберемся». На улице Флавио Бриаторе — итальянский бизнесмен с подмоченной репутацией — ждал его с другой затеей. Желая вернуть себе доброе имя в «королевских автогонках», он решил сфотографироваться с Эклстоуном. Защелкали четыре десятка фотоаппаратов, и тут репортеры заметили Михаэля Шумахера — тот раздавал интервью. Немец, как и Бриаторе, планировал вернуться. «Игрушки для позеров», — бросил бы какой-нибудь циник. Никто даже не заметил, как Ричард Брэнсон прошагал к своему темному моторхоуму.

За пару минут до старта Эклстоун, Мик Джаггер и Наоми Кэмпбелл устроились в мягких кожаных креслах, надежно укрывшись от оглушительного рева двадцати двух мощных моторов, выдающих по 200 миль в час. Проложенная по узким улочкам трасса требует от пилотов высочайшего мастерства. Болиды понеслись мимо самых дорогих домов Европы, и уже на первых минутах один из «уильямсов» врезался в металлический отбойник. Крыло и одно из колес так и остались валяться на повороте.

— Приехал, — заметил Джаггер, обращаясь к приятелю с просьбой сфотографировать, как они с Эклстоуном вместе смотрят телевизор.

Через пару минут из «макларена» Дженсона Баттона повалил дым. Прошлогодний чемпион потерпел неудачу из-за нерадивого механика.

— В первые пять минут всегда интересно, — пробормотал Джаггер.

— Нервничают. Им там непросто, — согласился Эклстоун.

Звездные уроженцы лондонского предместья Дартфорд относились друг к другу с грубоватым дружелюбием.

— Это невероятное испытание, — говорил перед гонкой австралиец Марк Уэббер. — Трасса в Монако живет по своим законам, тут нет разницы между мелкой ошибкой и серьезной. Исход всегда один — машина всмятку.

Именно головокружительные гонки сблизили Джаггера с Экклстоуном.

— Едешь на гастроли? — не оборачиваясь, спросил владыка автоспорта у короля рока.

— Не-а, — отозвался исхудавший к 65 годам музыкант, любуясь своей высоченной подружкой Л'Рен Скотт, и продолжил: — Берни, если останешься до среды, то приезжай в Канны на наш новый фильм. Будет вечеринка.

Экклстоун едва заметно кивнул. На вечеринки он не ходит.

— Дорогуша, я тебе позвоню, когда проснусь. Тогда и поговорим о встрече. Не хочу тебя подводить, — протянула Наоми Кэмпбелл.

Супермодель устроилась с телефоном в дальнем углу мотор-хоума и отказывалась от предложенной кем-то работы. Закончив разговор, она обернулась к спутнику:

— Я проголодалась. Хочу обедать.

Компания Джаггера ждала катер, чтобы отправиться на «Лайонхарт».

— Лодка подошла, — сообщил вечно липнувший к знаменитостям толстяк, которого посылали с разными поручениями.

«Лайонхарт» пришвартовался в пятидесяти метрах. Наоми протиснулась к Берни, чтобы попрощаться.

— «Форс блю» у того же причала через шесть яхт от вас, — рассмеялся Берни.

— Знаю, — улыбнулась Наоми. — Я туда не собираюсь.

Шутка, понятная лишь посвященным. «Форс блю» — яхта Флавио Бриаторе, который семь лет назад встречался с Наоми Кэмпбелл. Тогда Флавио был знаменитостью, однако потом обрел в «Формуле-1» дурную славу.

— Прошное Флавио меня не волнует, — всегда отвечал Экклстоун на расспросы об их дружбе.

Кое-кто полагал, что Берни привязался к скандальному итальянцу, проявив не свойственную ему слабость.

Писательница Даниэла Стил и другие мультимиллионеры одалживали у Бриаторе его роскошную яхту за 250 тысяч евро

в неделю плюс еда, горючее и чаевые — на ней-то Экклстоун и провел выходные. Четыре дня назад они с Флавио вылетели в Ниццу из принадлежащего Берни аэропорта Биггин-Хилл в южной части Лондона на его «Фальконе-7Х», одном из самых быстрых в мире частных самолетов. В пути обсуждали возобновление славной карьеры итальянца в «Формуле-1». Звезда Бриаторе засияла, когда он возглавил команду «Рено», и закатилась после скандальных обвинений 2009 года. Обвинителем и судьей в одном лице выступил Макс Мосли, чья репутация тоже пострадала. Уже два года Мосли, Бриаторе и Экклстоун обменивались взаимными упреками, словно герои шекспировской трагедии.

— Макс мне завидует, — жаловался Экклстоуну итальянец во время полета. — Я ведь даже Александра согласился на работу пристроить, — добавил он, имея в виду сына Мосли, скончавшегося в 2009 году — предположительно от передозировки наркотиков.

Оба признавали, что Мосли наслаждается своей властью, а вот в оценке его личности разошлись. «Формула-1» свела Экклстоуна и Мосли в конце 60-х, и, несмотря на ряд разногласий, они добились колоссальных успехов. Бриаторе появился позже. Своим богатством Флавио был в немалой степени обязан Экклстоуну, однако в 2009 году его обвинили в попытке потеснить наставника с позиций властителя «королевских автогонок». Все недоумевали, когда они помирились.

— Говорят, я не должен общаться с Флавио и вообще со всяким, кто мошенничал, — сказал как-то Экклстоун. — А мне все равно. В «Формуле-1» все мошенничают — прос-то не надо было попадаться. Он наказан сильнее, чем следует.

Жизнь на борту купленного за 78 миллионов долларов самолета отражала простые вкусы его хозяина. Бриаторе предложили воду и кофе. Обед не подавали. Порывшись в шкафчике, Экклстоун отыскал упаковку драже «Смартис» и поделился с двумя спутниками. Обнаружился еще и пакетик «Хула-хупс». Загорелый и упитанный Бриаторе, владелец лондонского ресторана «Чиприани» и домов в том же Лондоне, Нью-Йорке и на Сардинии, от чипсов отказался. Перед приземлением в Ницце он согласился

позвать Мосли на «Форс блю», где состоится торжественный ужин. Примирение должно было случиться как раз накануне Гран-при Монако.

Бриаторе ненадолго отошел, и Экклстоун сравнил итальянца с Роном Деннисом — своим многолетним противником и творцом всех успехов команды «Макларен»:

— Когда Флавио воткнул мне нож в спину, он мило улыбнулся и сказал: «Кровопускание тебе только на пользу». А вот Рон, если бьет ножом, непременно сообщит, что это он тебя прикончил.

Экклстоун пережил немало подобных покушений, но всегда помнил истину: «Не верь тому, кто кричит о своей честности».

Прямо от трапа Бриаторе и Экклстоуна доставили к вертолетному терминалу. Расплачиваясь, Экклстоун вытащил толстую пачку купюр в 500 евро. Продавцу билетов повезло: Берни никогда не берет сдачи. Шесть минут полета, короткая поездка на катере, и вот их уже приветствуют семнадцать человек команды «Форс блю».

Через три дня, накануне гонки, Флавио Бриаторе с тридцатилетней женой и бывшей моделью «Уандербра» Элизабетой Грегорахи устроили на борту своей яхты званый ужин на семьдесят персон. Среди гостей — постоянные герои светской хроники. Борис Беккер, Тамара Беквит, Ник Кэнди и Гога Ашкенази регулярно появляются на страницах глянцевого журнала. Гонщик «Рено» Роберт Кубица порадовал Бриаторе — явился пропустить бокальчик в цветах команды. Бриаторе озолила именно «Формула-1», и теперь он хочет вернуться. Однако Мосли приглашение отверг.

— Флавио дал неудачное интервью одной итальянской газете, — пояснил он из своей квартиры в Монако. — Заявил журналисту, что он, мол, меня прощает.

Бриаторе тоже не желал брать назад свои колкости, считая, что из-за Мосли лишился денег и репутации. В итоге Мосли отправился на пришвартованный неподалеку «Мальтийский сокол», где в тот же вечер собирал гостей его преемник на посту президента ФИА (Международной автомобильной федерации)

Жан Тодт. Среди восьмидесяти приглашенных Тодтом на борт самой большой в мире частной парусной яхты были Михаэль Шумахер и другие звезды «Формулы-1».

В полночь Бриаторе повез горстку избранных в свой клуб «Миллиардер» в Монте-Карло. Столик там стоил до 10 тысяч евро за вечер, но зал все равно оказался почти полон — с учетом финансового кризиса это несомненный успех.

Всего через неделю «Форс блю» была арестована полицией в итальянских территориальных водах, а Бриаторе обвинили в неуплате налогов на общую сумму в 4,5 миллиона фунтов. Мосли не стал ему сочувствовать.

Экклстоун вел себя как настоящий прагматик. В этих кругах ущемленное самолюбие — обычное дело. Находясь в Монако, он постоянно улаживал конфликты, решал проблемы, а заодно договаривался о поставке шин на следующий сезон.

Часто именно шины выигрывают или проигрывают гонку. Последние двенадцать лет команды «Формулы-1» ежегодно брали у японской компании «Бриджстоун» порядка 30 тысяч покрышек на общую сумму около 40 миллионов долларов — совершенно бесплатно. Взамен производитель получал рекламу в ходе гоночных трансляций на сотню с лишним стран и благодаря ей добился всемирного успеха. В 2009 году менеджмент «Бриджстоуна», пресытившись маркетинговыми достижениями, решил разорвать контракт. Свои услуги предложили сразу три поставщика: «Мишлен», «Пирелли» и «Эйвон» — но уже небезвозмездно. Несколько недель назад Жан Тодт от лица команд пообещал французской корпорации «Мишлен» 3 миллиона долларов за комплект шин на весь сезон. Экклстоун подозревал, что Тодт благоволит «Мишлену», поскольку его сын рассчитывал создать собственную гоночную команду. Сам Берни относился к Тодту с прохладцей и не поддерживал его избрание. Находясь в Монако, он договорился с «Эйвон» о цене в 1,5 миллиона и одновременно добивался выигрышного предложения от «Пирелли».

— Решать вам, а не Тодту, — сказал Берни руководителям команд. — Предоставьте это мне, — потребовал он своим привычным южнолондонским говорком. В этой битве он не собирался уступать. — Тодту я проигрывать не намерен, — заверил Эклстоун.

Берни управляет делами «Формулы-1» с 1974 года. Умение торговаться у него в крови — тут Эклстоуну вообще мало равных. Договориться о поставке 200 комплектов резины на команду — дело само по себе плевое, но удачная сделка для него как кислород. Перед отъездом Берни из Монако представитель «Мишлен» пообещал снизить цену вдвое, после чего в моторхоум зашел глава «Мерседеса» Норберт Хауг и выступил в поддержку этого соглашения. Однако Эклстоуну хотелось большего. Любая, даже мизерная экономия, помноженная на миллиардный годовой бюджет «Формулы-1», укрепляет его господство. Каждый день он в одиночку выслушивает требования двенадцати команд, девятнадцати автодромов в восемнадцати разных странах, а также бесчисленных спонсоров, сотни с лишним вещательных компаний и спортивных организаций — добиваясь на выходе идеального зрелища. При этом Эклстоун почти никогда не досматривает гонку до конца.

Гонщики прошли только половину дистанции, а Эклстоун уже вышел из моторхоума, попрощался со всеми, кто толпился в у входа в его персональную столовую, — в том числе с Ники Лаудой — и направился к вертолетной площадке. Не желая угодить в толпу зрителей, он никогда не дожидался клетчатого флага. Уже через двадцать минут Берни раскинулся в мягком кожаном кресле «фалькона», изучая в «Обсервер» материал, подготовленный к старту Гран-при Монако. Прямо под заголовком «Герои рождаются на улицах, где смерть ждет за каждым поворотом» расположилась зернистая черно-белая фотография гонки 1957 года. Группу из восьми машин возглавлял легендарный аргентинец Хуан Мануэль Фанхио.

— Две «феррари», вот эта «мазерати» и «ляпча» — теперь мои, — гордо указал Эклстоун на фотографию, где старые машины проносились мимо давным-давно разрушенных зданий.

ФОРМУЛА-1. ИСТОРИЯ ГЛАВНОЙ АВТОГОНКИ МИРА

Экклстоун всегда с тоской вспоминал «те времена» и свою коллекцию из восьмидесяти винтажных болидов «Формулы-1», выставленную, словно в музее, в одном из ангаров Биггин-Хилла.

«Фалькон» шел на снижение над устьем Темзы, направляясь к своему персональному аэродрому, а Экклстоун смотрел на Дартфорд.

— С тех пор как уехал, ни разу туда не возвращался, — заметил он. — Незачем. — Он чуть помедлил и еще ближе придвинулся к иллюминатору. — Вот это был мой дом. И тот тоже...

Он замолчал. Немногие живые свидетели того, как начинался путь Экклстоуна к вершине, теперь вполголоса поминают жертв его блестящей карьеры.

— Я не ангел, — признает Берни.

Время сгладило острые грани, однако стальной сердечник никуда не делся.

Направляясь из аэропорта Биггин-Хилл домой, в Найтсбридж, Экклстоун задумался уже о следующем, стамбульском, этапе. Он вдруг понял, что моторхоум придется везти из Монако через все Средиземное море.

— Пустые траты, — спокойно заметил Берни.

На заднем сиденье джипа расположился Паскуале Латтунедду — уроженец Сардинии, которого нашла для Берни его бывшая жена Славица. Он в мгновение ока связался с австрийцем Карлхайнцем Циммерманом — «хозяином» моторхоума.

— Автобус должны доставить из Италии в Стамбул, — объяснил Циммерман.

— Мистер Э. передумал, — сказал Латтунедду.

Берни Экклстоун с самого рождения умел считать деньги.